

Только встретившись взглядом с Линем, Моисей понял, насколько жалкий он имел вид.

Но сейчас ему было совершенно не до этого.

Моисей видел, как трещины на теле Линя затягиваются, однако всё равно не смел подойти ближе. Его осторожность выглядела так, словно сам Моисей — это что-то грязное, а Линь страдает иммунным заболеванием и может находиться лишь в стерильной палате.

Он не решался приблизиться, но при этом отчаянно хотел узнать одну вещь.

Святой дух, проживший более девятисот лет, долго открывал и закрывал рот, прежде чем хриплым, почти неприятным голосом выдать:

— Ты... ты справился?

Линь слегка улыбнулся ему.

В этой улыбке было много горечи.

Моисей выглядел так, будто его вот-вот хватит сердечный приступ. Много раз — по-настоящему много раз — настоящий Моисей видел у Мередис такую же горькую улыбку.

— ...Или, — его голос стал совсем тихим, словно он вовсе не хотел произносить эти слова, — не получилось?

— Как ты видишь, Кристабель, похоже, не осквернена, либо её осквернение совсем незначительное, — ответил Линь. — Но я... я сам...

Даже сейчас Линь не выбрался из того мира скверны, полного воплей и бормотаний, словно семя так и не покинуло почву.

Вопли и бормотания по-прежнему отдавались в нём и вокруг него, наслаивались друг на друга: внутри они пытались вырваться наружу, снаружи — вломиться внутрь. Линь мог лишь пассивно слушать и резонировать с ними, не находя способа избавиться.

Но по крайней мере он не осквернил Кристабель — это являлось самым большим утешением.

— Ладно, оставим это. Скажу главное, — Линь скрыл горечь в выражении лица и попытался успокоить Моисея. — Кажется, я понял, в чём была изначальная ошибка Мелодии Раковины.

— Что? — Моисей всё ещё паниковал. — Что с тобой вообще сейчас происходит?

— Думаю, — продолжил Линь, разбираясь заодно и в собственных мыслях, — такие тёмные боги, как Мелодия Раковины, которые сами не хотели становиться тёмными богами, вначале допустили одну ошибку: они создали слишком много служителей.

Моисей ещё не до конца успокоился; но всё же он имел за плечами немало пережитого — пусть и из памяти. Русал глубоко вдохнул и спросил:

— Что плохого в создании служителей? Служители — это священное проявление бога. Один служитель может привести больше верующих и защитить их.

— Так ли это? — Линь ещё не дошёл до стадии, когда такие «священные проявления» легко приносят веру, потому лишь задал вопрос и продолжил. — Но для бога... Я не знаю, как у других, но, когда Кристabelle только что получила от меня магию, я почти не мог контролировать её поток к ней.

Моисей наконец сосредоточился на его словах.

— Не мог контролировать?

— Мелодия Раковины когда-нибудь говорила тебе об этом? — спросил Линь.

Моисей задумался, вспоминая, и покачал головой:

— Когда настоящий я стал апостолом, Зов моря уже являлся тёмным культом с историей в несколько сотен лет. Ты сам знаешь, что до нового календаря мир был крайне нестабилен: либо божественные войны, либо войны во имя богов. Священные тексты Зова моря многократно терялись и переписывались, так что от изначальных преданий почти ничего не осталось. А Мередис не любила говорить о прошлом, поэтому даже я не знаю, как она вначале шла по миру и как получила первых верующих и первого служителя. Но я знаю нечто другое, — он поднял палец. — Хотя Мередис не любила вспоминать прошлое, она всё же кое-что говорила. По её словам можно понять, что ещё до появления верующих и служителей она уже владела мощной магией.

— Эм... — Линь опешил.

Это не совпадало с его предположениями.

Он думал, что все боги начинают ощущать магию лишь после появления служителей. Оказывается, не так.

Линь отметил это противоречие и продолжил рассказывать о пережитом.

— Бог формирует ожидание, верующий отвечает на него. В этом обмене связь между ними углубляется, магия бога начинает преобразовывать верующего — так появляется служитель. После преобразования служитель получает таланты и заклинания, резонирующие с областью, которой владеет бог. При этом и бог получает доступ к талантам и заклинаниям служителя, — Линь поднял руку, и в ней собралась невидимая психическая магия, превратившись в сформированный страхом невидимый клинок разума. — Если область бога — это главный ствол дерева, то служители — это ветви. Чем больше ветвей, тем сильнее ствол. Если так, всё становится понятно. Проблема лишь в том, что в этом мире магия изначально несёт скверну.

Он разжал руку, и клинок рассеялся.

— Связь углубляется, магия проходит через меня и преобразует Кристabelle, а магия и скверна — это две стороны одной сущности.

— Но тогда Кристabelle должна была оскверниться, — недоумевал Моисей. — Я только что видел её: она обращала внимание на малышку Нефрит и на Весполаро Хаски, она не стала холодной.

Именно потому, что Кристabelle сохранила доброту к семье и друзьям, Моисей и не смог сдержать слёз.

— Осквернение было, но очень слабое. Поход в комнату очищения его снимет, — ответил Линь. — Ты сказал, что Мелодия Раковины с самого начала умела использовать магию и не знала о скверне. Когда она превращала верующих в служителей, она, наверное, считала, что делает добро — даёт им силу для самозащиты. Когда же она осознала проблему, было уже поздно. А я... Именно потому, что раньше вообще не чувствовал магию, я сумел так быстро среагировать, когда поток внезапно связал меня с Кристabelle. Тогда я силой ослабил передачу магии между нами.

Но даже Линь не мог удерживать это ослабление долго.

В реальности между тем, как Кристabelle убила Радоцвета Сикадира, и тем, как она вытащила кинжал, прошло всего секунд десять.

А Линь выдержал лишь одну-две секунды, после чего оказался перед выбором: отпустить — и Кристabelle осквернится; не отпускать — его личность распадётся и неизвестно, удастся ли собрать её обратно.

Он мог бы отпустить, стабилизировать себя, а потом снова натянуть связь. Но к тому моменту Кристabelle уже стала бы источником скверны и резонанса.

Оглядываясь назад, Линь понял, что ему невероятно повезло в двух вещах: он заранее знал об осквернении в магии и у него был лишь один верующий — лишь одна Кристabelle, становящаяся служителем.

— Если бог на раннем этапе получает слишком много почитателей, которые искренне его любят и стараются воплотить его ожидания, он, скорее всего, неконтролируемо превратит их в осквернённых служителей. А затем скверна по связи начнёт резонировать в обратную сторону, поражая самого бога.

«Осквернение будет циркулировать между тёмным богом и служителями, пока одна из сторон не умрёт...»

Задумавшийся Линь вдруг посмотрел на Моисея.

До рождения святого духа, после падения Мелодии Раковины, её служители либо покончили с собой, либо были убиты Инквизицией и другими культурами тёмных богов.

«То, что Моисей стал святым духом, а не демоном, может быть связано именно с этим?»

Моисей, заметив взгляд Линя, растерялся.

Он плохо понимал, что значит «резонанс», поскольку не мог напрямую ощущать осквернение, как Линь, потому перескочил последнюю часть рассуждений и спросил:

— Ты ослабил поток магии, но Кристабель всё равно стала служителем. Её последнее заклинание было чрезвычайно мощным — среди атакующих оно в верхних рядах.

Если бы Линь не дал ей достаточно магии для полноценного развития магического семени, её таланты и заклинания должны были быть слабее, чем у других служителей.

— А, — объяснил Линь, — потому что потом... верховный инквизитор...

Хрусть.

Линь резко замолчал, услышав звук, и огляделся, пытаясь понять, откуда он.

Моисей, который от одного упоминания этого титула скрипнул зубами, уже взял себя в руки:

— М-м, апостол того чокнутого вояки? Что с ним?

— Э-э... — Линь неловко отвёл взгляд. — Как бы это сказать... эмоция?

Твёрдая, устойчивая, неосязаемая, словно не световая лента, а луч — но именно он удержал распадающуюся личность Линя и позволил ему восстановиться.

Как именно — юный бог сам до конца не понимал.

Даже сейчас луч, пришедший с той стороны, продолжал подпитывать его.

Благодаря этому, когда Кристабель утвердилась в своём убеждении, Линь смог отпустить больше не резонирующий поток магии и даровать ей таланты с заклинаниями.

Теперь же он всё ещё был вынужден крепко держать связь между собой и Кристабель.

Даже если тянуть её до предела, так что колебания не видны глазу, микроскопическая вибрация всё равно оставалась.

Но после укрепления веры Кристабель оказалась способна противостоять ей сама.

— Вот так, — вздохнул Линь. — Сейчас между верховным инквизитором, мной и Кристабель образовалось хрупкое равновесие. Верховный инквизитор — единственный, кто не затронут. Он поддерживает меня. Стабилизировавшаяся Кристабель, если не столкнётся с сильным потрясением, тоже может немного поддерживать меня. А вот я — это бомба.

Линь находился в центре равновесия и был самым уязвимым звеном.

Он не мог расслабиться: он всё ещё резонировал с воплями и бормотанием. Хватка ослабится — и Кристабель осквернится.

И ему точно не стоило создавать новых служителей: добавь ещё одного — и равновесие рухнет.

— Чтобы я не взорвался, между верующими и служителями нужен коэффициент обмена, — подсчитывал Линь. — Один верховный инквизитор с его «неприятностью» плюс одна стабилизировавшаяся Кристабель дают одного клинка разума. Возможно, нужно ещё два-три, а то и четыре-пять устойчивых верующих, чтобы я оказался в относительно спокойном состоянии и смог создать следующего служителя.

В конце концов, в Шпиневиле живёт семьсот тысяч человек: более половины верят в одного из Божественных Столпов, остальные — в Шесть Столпов как целое, а служителей всего чуть больше десяти тысяч.

«Если Божественные Столпы тоже поддерживают баланс, выходит, предшественники веками держали этот коэффициент? Где мне взять десятки верующих?! И если так считать, выходит, помогший мне верховный инквизитор один стоит десятков последователей? Так ли это? Апостолы Божественных Столпов именно так и создаются? Как вообще делают апостолов? Научите меня, старшие! А, кстати... Ритуалисты ведь не служители, они не нагружают баланс, но могут восполнять нехватку служителей... Вот в чём их смысл. Но разве отклик на ритуал не создаёт осквернение? Божественные Столпы, у вас случайно нет инструкции "как стать

богом"?..»

Линь снова углубился в размышления и даже не заметил, как у Моисея, услышавшего фразу «один верховный инквизитор с его неприязнью», стало очень странное выражение лица.

Лицо девятисотлетнего святого духа то темнело, то зеленело — внутреннюю борьбу было видно невооружённым глазом.

Моисей очень не хотел поправлять Линя, но, если тот ошибается, не разрушит ли он однажды это «равновесие»?

Подумав, Моисей неохотно произнёс:

— Ваше высочество... А есть ли вероятность, что апостол того чокнутого вояки... вовсе не испытывает к вам неприязни?

Линь вышел из задумчивости и удивился.

— А что ещё? — он скис. — Эх, я ещё ничего не сделал, а он уже меня ненавидит.

***

Фельдграу Дуофюру захотелось чихнуть.

Он сдержался.

В 20:13 верховный инквизитор подошёл к апартаментам «Мятное масло».

<http://bllate.org/book/12612/1267176>